

УДК 327

DOI: 10.31857/S268667300012646-0

Итоги азиатско-тихоокеанской политики президента Д. Трампа. 2017–2020 гг.*

А.Н. Панов*Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН).**Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., д. 2/3.*ORCID: <https://orcid.org/0000-003-0236-3756>e-mail: panov.taishi@yandex.ru*Статья поступила в редакцию 21.09.2020.*

Резюме. В статье анализируются и оцениваются основные итоги политики президента Д. Трампа в АТР в 2017–2020 гг. Прежде всего, рассматривается курс США в отношении Китая. Содержится вывод о том, что принципиальная оценка Пекина как «стратегического соперника» привела к принятию Вашингтоном важнейших практических шагов антикитайского характера по всем направлениям.

Развернув беспрецедентную по масштабам политику давления на КНДР, Д. Трамп поставил ситуацию на Корейском полуострове на грань войны. Вместе с тем, он добился приостановки северокорейским руководством реализации ракетно-ядерной программы. Однако «окончательно» устранить северокорейскую «ядерную угрозу» американскому президенту не удалось. Более того, ему пришлось пойти на уступки: фактически признать в качестве партнёра северокорейского руководителя, дать определённые гарантии безопасности КНДР, фактически признать ядерный статус Пхеньяна.

Демонстрируя в отношении Японии дружескую позицию, признавая её важнейшим союзником США в АТР, Д. Трамп, тем не менее, добивался и добился уступок Токио в большем открытии японского рынка для американских товаров. Стороны подтвердили незыблемость двустороннего военно-политического союза.

Региональная политика Д. Трампа с точки зрения американского военного присутствия в АТР преследовала курс «перебалансировки» предшествующей администрации Б. Обамы. Вместе с тем, этот курс был дополнен концепцией «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона». Хотя эта концепция не получила доктринального оформления, она была воспринята в региональном сообществе как ответ на китайскую инициативу «Один пояс, один путь». Каких-либо существенных шагов для её реализации предпринято не было.

Ключевые слова: Д. Трамп, Си Цзиньпин, Ким Чен Ын, Мун Чжи Ин, С. Абэ, американо-китайская торговая война, Китай – «стратегический соперник», северокорейская ракетно-ядерная проблема, японо-американский военно-политический союз, концепция «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона».

Для цитирования: Панов А.Н. Итоги азиатско-тихоокеанской политики президента Д. Трампа. 2017–2020 гг. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2020; 50(12): 26-44. DOI: 10.31857/S268667300012646-0

The Results of the Asia-Pacific Policy of President D. Trump, 2017-2020

* Окончание. Начало см.: «США & Канада». 2020. № 11. – Ред.

A.N. Panov

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences.

2/3, Khlebnyy pereulok, 121069, Moscow, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0236-3756> e-mail: panov.taishi@yandex.ru

Received 21.09.2020.

Abstract: The article analyses and evaluates the major results of the president D. Trump's policy in the Asia-Pacific region in 2017-2020. First of all, the article looks at the course of the U.S. policy toward China. The conclusion is that the consistent view of Beijing as a "strategic rival" has led Washington to take major practical steps aimed against China in all directions.

D. Trump unleashed unprecedented policy of putting pressure on North Korea, which put the situation on Korean Peninsula on the brink of war. At the same time, he secured a suspension of the implementation of the nuclear and missile program by the North Korean leaders. However, the American president was unable to reach the "complete" elimination of the North Korean "nuclear threat". More than that, he was forced to make concessions: in fact, to recognize the North Korean leader as a partner, to give certain security guarantees to North Korea and to de facto recognize nuclear status of Pyongyang.

D. Trump demonstrated friendliness toward Japan, recognizing it as the most important ally of the U.S. in the APR, but at the same time he succeeded to get concessions from Tokyo in greater openness of Japanese market for American products. Both sides confirmed unshakeable status of the bilateral military-political alliance.

Regional policy of D. Trump from the point of American military presence in the APR followed the course of "rebalance" of the Obama administration. At the same time, this course was complemented with conception of the "Free and Open Indo-Pacific Region". Though this concept did not receive a doctrine status, it was perceived in the regional community as a response to Chinese "One Belt and One Road" Initiative. No substantial steps to realize this concept were taken.

Keywords: *D. Trump, Xi Jinping, Kim Jong Un, S. Abe, American-Chinese trade war, China "strategic rival", North Korean missile-nuclear program, Japanese-American military-political alliance, conception of the "Free and open Indo-Pacific region".*

For citation: Panov A.N. The Results of Asia-Pacific Policy of the President D. Trump. 2017-2020. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture.* 2020; 50(12): 26-44.
DOI: 10.31857/S268667300012646-0

РАКЕТНО-ЯДЕРНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ С КНДР

Непосредственно после вступления в должность Д. Трамп обратил внимание на «северокорейскую ядерную проблему» и в свойственной ему безапелляционной манере, не ведая об истории её возникновения и попытках разрешения, уверовал в то, что он, в отличие от своих предшественников – «слабаков», проводивших политику «стратегического терпения – сдерживания КНДР», способен по-быстрому её решить. В результате предпринятых им попыток военными угрозами заставить Пхеньян пойти на «ракетно-ядерное разоружение» без каких-либо условий ситуация на Корейском полуострове достигала в 2017 г. небывалого за весь период после Корейской войны 1950–1953 гг. накала.

Поскольку руководитель КНДР Ким Чен Ын американский вызов принял и ответил по китайской стратегии «остриём против острия», корейская проблема оказалась в центре мировой политики с вовлечением в противостояние США и КНДР не только соседних государств – Республики Корея, Китая, России, Японии, но и многих других стран, опасавшихся перерастания развивавшегося по восходящей конфликта в открытые военные действия.

Д. Трамп, объявив, что «период стратегического терпения закончился, развернул наступление на «северокорейском фронте», используя «четыре ударных направления»*.

Прежде всего, он прибег к угрозам применить против КНДР военную силу, демонстративно направляя к корейским берегам авианосные соединения и осуществляя пролёты американских стратегических бомбардировщиков с ядерным оружием над Корейским полуостровом. Появились сообщения, что Пентагон наметил 20 объектов в Северной Корее для нанесения ядерных ударов. Эти действия сопровождалось, с одной стороны, воинственной риторикой президента, а с другой – оскорбительными заявлениями в адрес северокорейского руководителя, которого он характеризовал как «сумасшедшего», «человека-ракету» и «диктатора со смешной причёской». По сути, была развёрнута пропагандистская кампания дискредитации Ким Чен Ына и политического режима КНДР. Кроме того, США ужесточили санкции в отношении КНДР – как собственные, так и побудив Китай и Россию не препятствовать принятию международных санкций под эгидой Совета Безопасности ООН, используя в качестве предлога нарушение Пхеньяном запрета на ракетно-ядерные испытания. 14 февраля 2017 г. КНДР испытала ракету дальностью более 500 км, что было запрещено резолюцией Совета Безопасности ООН. Наконец, Д. Трамп попытался привлечь к поддержке своей силовой политики Китай. При этом он достаточно мягко упрекал китайское руководство в просеверокорейских настроениях, делая акцент на том, что Пекин, располагая реальными рычагами воздействия на Пхеньян, прежде всего с учётом его зависимости от экономических связей с Пекином (90% торговли приходится на Китай), может и должен воздействовать на северокорейского лидера, побуждая его пойти на уступки. При этом Д. Трамп намекнул, что китайский подход к северокорейской проблеме будет учитываться Вашингтоном при принятии решений по проблемам американо-китайской торговли [2].

В апреле 2017 г. Трамп после встречи с председателем КНР в своём «Твиттере» записал, что он предложил Си Цзиньпину более привлекательные условия торгового соглашения «в обмен на помощь в конфронтации с Северной Кореей» [3].

Каких результатов добился американский президент?

На китайском направлении Д. Трамп достиг поставленной цели. Пекин, хотя и заявляет о принципиальном неприятии санкционной политики, поддержал резолюции Совета Безопасности ООН о санкциях в отношении КНДР. 8 августа 2017 г. СБ ООН принял очередную, более жёсткую, чем ранее, резолюцию с но-

* Эту стратегию подхватили в своих заявлениях вице-президент М. Пенс и госсекретарь Р. Тиллерсон [1]

выми санкциями – устанавливался запрет на импорт из КНДР угля, железной руды, свинца, цинка, никеля, серебра, золота, морепродуктов, запрещался ввоз северокорейских рабочих, создание совместных предприятий. В результате санкции на одну треть сократили трёхмиллиардный объём внешней торговли КНДР [4]. В соответствии с санкциями Китай значительно уменьшил поставки в КНДР бензина, нефтепродуктов, ограничил банковские операции.

По итогам визита Д. Трампа в Пекин в ноябре 2017 г. американская сторона заявила, что была удовлетворена тем, что китайский лидер разделяет точку зрения об эффективности экономических санкций, которые могут решить северо-корейскую ракетно-ядерную проблему.

Китай традиционно выступает за сохранение мира и стабильности на Корейском полуострове, против «демонтажа» КНДР, которая рассматривается в качестве буфера перед размещёнными в Республике Корея американскими вооружёнными силами и КНР. Китайское руководство выразило серьёзное недовольство и обеспокоенность тем, что США под предлогом северокорейской ракетно-ядерной угрозы разместили с согласия Сеула на южнокорейской территории две батареи ракет-перехватчиков «ТХААД» (*THAAD*), которые способны нейтрализовать китайские ракеты. Пекин выразил Сеулу протест против этого размещения, пошёл на решительные меры по сокращению экономических связей и людских обменов. Южнокорейское правительство вынуждено было обещать, что других противоракетных комплексов размещено не будет, а Сеул не будет участвовать в американской системе ПРО в Азии.

В связи с резким обострением обстановки на Корейском полуострове в результате «решительного противостояния» США и КНДР китайское руководство выступило за решение северокорейской ракетно-ядерной проблемы путём переговоров и предложило в качестве первого шага идею «двойной заморозки»: КНДР приостановит свою ядерную активность и пуски ракет в обмен на приостановку учений США и Южной Кореи.

На американскую стратегию Пхеньян реагировал резко негативно, полным отрицанием готовности идти на уступки, связанные с отказом от своего «ракетно-ядерного щита». На угрозы США последовал «ракетный ответ» КНДР.

4 июля 2017 г., в День независимости США, КНДР провела испытания межконтинентальной ракеты «Хвасон-14», затем в ноябре был осуществлён пуск ракеты «Хвасон-15», ориентировочно с дальностью 13 000 км.

2 декабря Трамп заявил о готовности применить силу против КНДР, «если потребуется», то есть в случае продолжения испытания ракет или ядерного оружия.

Северокорейцы отреагировали предупреждением принять «незамедлительные соответствующие действия на всех уровнях, если США применят силу».

«Китайская карта» Вашингтона поначалу не работала.

После прихода к власти Ким Чен Ына его отношения с китайским руководством находились в охлаждённом состоянии. Укрепляя систему единоличной власти, молодой лидер вступил в борьбу со своим дядей Чан Сон Тхэком, который зарекомендовал себя прокитайски настроенным, и, одержав победу в этой

борьбе, расправился не только с ним, но и с теми, кто его поддерживал в военных и правительственных кругах. И в целом Ким Чен Ын демонстрировал стремление избавиться от «чрезмерной китайской опеки и зависимости». Такой курс вызвал серьёзное недовольство в Пекине, контакты между руководством двух стран сократились, особенно на высшем уровне.

На этом фоне попытки США использовать Пекин в качестве «орудия давления» на Пхеньян были обречены на неудачу. Северокорейское руководство выразило недовольство поддержкой Китаем санкций против КНДР, негативно восприняло китайскую идею «двойной заморозки».

Летом и осенью 2017 г. напряжённость на Корейском полуострове продолжала обостряться. Д. Трамп, получив в августе доклад своих разведывательных органов о создании в КНДР ядерной боеголовки, пригрозил, что Пхеньян может «встретить огонь и ярость» (*fire and fury*) [4]. Ким Чен Ын «в ответ» обещал устроить американцам «море огня».

Для поиска выхода из тупика Д. Трамп дал указания М. Помпео, в то время директору ЦРУ, сформировать центр по осуществлению деятельности в отношении Северной Кореи. Сотрудники центра провели беседы с более чем 200 лицами, которые встречались с руководителем КНДР Ким Чен Ыном с целью составить представление о его взглядах и личных пристрастиях. Было сделано заключение, что он «восхищается западной культурой и понимает преимущества экономического развития». В подготовленном центром докладе содержался вывод о том, что Пхеньян может прореагировать позитивно, если предложения США позволят КНДР выйти из-под «протектората Пекина». На основе этого анализа администрация Д. Трампа сменила курс – с давления на поиск выхода на прямой диалог с Ким Чен Ыном без привлечения помощи в этом Пекина.

К августу 2017 г. администрация Д. Трампа подготовила «сигнал» Пекину.

Госсекретарь Р. Тиллерсон, выступая в Атлантическом совете в Вашингтоне, раскрыл содержание своих бесед с китайским министром иностранных дел. «США, – сказал он, – обсудили с Китаем возможные шаги в том случае, если по каким-то внутренним причинам в КНДР начнутся беспорядки или режим падёт». И далее: «Самое важное для нас в такой ситуации – обеспечить сохранность тех ядерных зарядов, которыми они уже располагают, не позволить, чтобы они попали в руки тех, кто, по нашему мнению, не должен их заполучить».

«Мы также дали китайцам заверения, – сказал госсекретарь, – что, если что-то произойдёт [в КНДР] и нам придётся пересечь [демаркационную] линию огня, мы отступим обратно к югу от 38-й параллели, после того как стабильность в КНДР будет восстановлена <...> Мы взяли на себя такое обязательство» [4].

Когда к концу 2017 г. ситуация оказалась тупиковой, военное, дипломатическое и санкционное давление на Пхеньян результатов не давало, но кризисная напряжённость сохранялась, северокорейское руководство прибегло к «дипломатическому наступлению». Оно развивалось по трём направлениям.

Во-первых, как было заявлено в новогоднем выступлении Ким Чен Ына (1 января 2018 г.), КНДР изъявила готовность начать диалог с РК по вопросу уча-

ствия северокорейских спортсменов в зимних Олимпийских играх в Пхёнчхане в феврале 2018 г. Президент РК Мун Чжэ Ин согласился с этим и в ответ 10 января предложил провести межкорейский саммит.

27 апреля 2018 г. состоялась встреча лидеров Северной и Южной Кореи в Пханмунджоме, завершившаяся подписанием совместной декларации. Хотя она носила в большей степени характер изложения намерений сторон – пассажи о прекращении состояния войны и взаимных враждебных действий, об осуществлении визитов на высшем уровне, о налаживании гуманитарных обменов и реализации совместных проектов сотрудничества – акцент на согласии сторон на улучшение отношений двух стран закладывал основу для снижения напряжённости на Корейском полуострове. Было обозначено обоюдное стремление к полной денуклеаризации Корейского полуострова на «поэтапной основе».

Во-вторых, северокорейский руководитель пошёл на улучшение отношений с Китаем. 25–28 марта 2018 г. он впервые за время своего правления посетил Пекин. О содержании его бесед с председателем Си Цзиньпином мало что сообщалось, но последующие события дают основания предполагать, что на них Ким Чен Ын информировал о позиции КНДР, в том числе о согласии с «двойной заморозкой», к переговорам с США, а китайский руководитель их одобрил и обещал поддержку.

В первых числах мая в Пекине состоялась новая встреча Синь Цзиньпина и Ким Чен Ына. Китайский руководитель демонстрировал дружеское расположение к КНДР. Он пообещал предоставить помощь химическими удобрениями и продовольствием, способствовать увеличению сельскохозяйственного производства и потока китайских туристов в Северную Корею. Обещания были выполнены, Китай поставил КНДР в июне – сентябре 2018 г. безвозмездную помощь (160 тыс. тонн удобрений и 1000 тонн риса).

Таким образом, Ким Чен Ын фактически «выбил» из рук Д. Трампа южнокорейский и китайский козыри и укрепил свои позиции к переговорам с американским президентом.

В-третьих, Ким Чен Ын начал посылать сигналы американской стороне о готовности к переговорам и на время их проведения заморозить свою ракетно-ядерную программу.

В лице руководителя КНДР Д. Трамп встретил достойного противника, склонного, как он, к неожиданным, неординарным шагам. Причём, как дипломатический стратег, Ким Чен Ын обыгрывал хозяина Белого дома. Американском президенту не оставалось ничего другого, как фактически отказаться от воинственного настроя и пойти на переговоры с Ким Чен Ыном. 9 марта 2018 г. было объявлено о решении президента США согласиться на встречу с руководителем КНДР. Северокорейцы подтвердили готовность к компромиссам. 24 мая 2018 г. в присутствии представителей зарубежных СМИ был разрушен ядерный полигон, то есть подан сигнал о закрытии программы ядерных испытаний.

12 июня 2018 г. в Сингапуре произошло событие, которое вряд ли кто-либо мог предсказать. Состоялась, без преувеличения, историческая встреча руководителей США и КНДР.

По итогам переговоров было подписано совместное заявление, наполненное благими намерениями руководителей двух стран «в соответствии с желанием народов двух стран достичь мира и процветания». А именно: взять на себя «обязательство установить новые двусторонние отношения», «объединить усилия для построения режима длительного и стабильного мира на Корейском полуострове». Северокорейская сторона в подтверждение межкорейской декларации 21 апреля 2018 г. «обязалась работать на достижение полной денуклеаризации Корейского полуострова». По настоянию Д. Трампа был внесён пункт об обязательстве сторон «возвратить останки военнопленных/пропавших без вести» в результате Корейской войны 1950–1953 годов.

Внешне американо-северокорейский саммит свидетельствовал о примирении «двух врагов», о возможности открытия нового этапа отношений США и КНДР, основанного не на балансировании на грани войны, а на поисках решения имеющихся проблем дипломатическими средствами.

Д. Трамп незамедлительно после саммита объявил о «своей победе»: «Я покончил с ядерной угрозой Севера». Более того, он заявил, что с учётом итогов переговоров будут приостановлены американо-южнокорейские военные учения, постоянно вызывавшие остро негативную реакцию КНДР. Масштабы таких учений были действительно сокращены. Как свой успех, президент США оценил и демонтаж в июле – августе северокорейцами полигона для испытаний ракетных двигателей.

В Пхеньяне занесли итоги саммита в реестр собственных достижений. «Весь мир» стал свидетелем того, как «недавний изгой», объявленный таковым американцами, и президент самой могущественной державы пожимают друг другу руки, улыбаются и похлопывают друг друга по спинам. Осуществилась своего рода «мировая легитимизация» северокорейского лидера.

США де-факто признали КНДР ядерной державой. Северокорейцы добились того, что в двустороннем документе впервые американцы согласились с возможностью обеспечения «гарантий безопасности» КНДР.

Более существенно, что КНДР выиграла время. Переговоры о денуклеаризации могут продолжаться в течение неограниченного срока, а затягивать время северокорейцы мастера. В искусстве дипломатического торга они достигли немалых вершин. На период переговоров КНДР обеспечила сохранение своего уже легитимного и развёрнутого ракетно-ядерного потенциала.

Безусловно, Пхеньян весьма заинтересован в снятии санкций. По некоторым сведениям, Д. Трамп якобы обещал в Сингапуре отмену санкций, но, судя по дальнейшим событиям, официальная позиция Вашингтона осталась неизменной – это возможно только при условии «полной денуклеаризации» КНДР.

Последовавшее развитие событий подтвердило, что реализовать заявленные в Сингапуре цели будет крайне сложно, если вообще возможно.

Северокорейцы настаивали на приоритетности реализации пунктов заявления, касающихся «прекращения вражды» и установления новых отношений.

Американская сторона подчёркивала, что первоначально следует заняться конкретными шагами по денуклеаризации. При этом последовательность шагов была определена следующим образом: северокорейцы должны сообщить об имеющемся у них количестве ядерных боезарядов и средств их доставки, затем согласиться на проверку этих данных международными экспертами. После этого будет снята часть санкций, оставшиеся сохранятся до завершения процесса денуклеаризации.

Расхождения сторон преодолеть не удавалось. Были предприняты попытки выйти из тупика путём проведения новых встреч руководителей двух стран.

Вторая встреча Д. Трампа и Ким Чен Ына состоялась в феврале 2019 г. в Ханое и завершилась безрезультатно. Северокорейцы настаивали на хотя бы частичной отмене санкций, но американская сторона не дала согласия. Американский президент не стал обсуждать вопрос о «гарантиях безопасности» КНДР в случае заключения соглашения о денуклеаризации. Он настаивал на отказе Пхеньяна от всех видов оружия массового поражения, включая химическое и биологическое оружие.

Д. Трамп и Ким Чен Ын встретились в третий раз в конце июня 2019 г. в Панмунджоме, но вновь без договоренностей, кроме согласия продолжать переговоры. Постепенно начали нарастать кризисные явления в американо-северокорейских отношениях, особо обострившиеся к концу 2019 г. Пхеньян попытался побудить Вашингтон пойти на уступки. В 2019 года КНДР провела 27 пусков ракет различной дальности, но не межконтинентальных и не запрещённых резолюцией СБ ООН. В 2018 г. от пусков ракет Пхеньян воздерживался.

В феврале 2020 г. Санкционный комитет по КНДР Совета Безопасности ООН подготовил доклад, в котором утверждается, что КНДР «не остановила свои незаконные ядерную и ракетную программы, которые продолжает наращивать в нарушение резолюций Совета Безопасности ООН». При этом указывалось на закупки Пхеньяном за границей компонентов и технологий для этих программ [5].

Подводя итоги американо-северокорейского противостояния при президенте Д. Трампе, можно констатировать, что ни она из сторон не одержала победу, но в свой актив может отнести ряд достижений.

Д. Трамп заявил, что «покончил с ядерной угрозой Севера». Действительно, северокорейские ракетные и ядерные испытания приостановлены. Но нет гарантий, что они не могут быть возобновлены. Если межконтинентальные ракеты КНДР не доведены до стадии развёртывания, то ракеты средней дальности, способные поражать цели в РК и Японии, имеются в северокорейском арсенале в значительном количестве.

Воинственный настрой Д. Трампа с реальным намерением использовать вооружённые силы обеспокоил или вызвал серьёзную тревогу не только среди американских военных и трезвомыслящих представителей политической элиты, но и в ближайшем окружении президента. Им, в конечном итоге, удалось убедить

Д. Трампа в том, какие катастрофические последствия может иметь военная операция против КНДР. Она не только не гарантирует даже частичный успех, но и способна нанести непоправимый ущерб союзнику США – Республике Корея.

В сфере ужесточения санкционного давления американский президент добился успеха в том плане, что Конгресс одобрил новый пакет санкций в отношении КНДР, а в Совете Безопасности ООН Китай и Россия поддержали инициативы США серьёзные ограничения на торгово-экономические отношения с КНДР международного характера.

В свою очередь Ким Чен Ын обеспечил себе имидж «лидера, равного американскому президенту», с которым умело, без существенных уступок провёл серию переговоров и отвёл угрозу вооружённого нападения на КНДР. Выиграно время, которое работает на северокорейскую сторону и позволяет строить различные дипломатические комбинации с целью получения американских уступок. Прежде всего, речь идёт об отмене санкций. Хотя северокорейский режим в известной степени приспособился решать наиболее острые экономические проблемы в обстановке международных санкций, задача вывода страны из торгово-экономической изоляции остаётся одной из наиболее приоритетных.

Северокорейский руководитель добился не только нормализации, но и серьёзного улучшения отношений с Пекином. В июле 2019 г. Си Цзиньпин совершил свой первый официальный визит в КНДР, который продемонстрировал укрепление китайско-северокорейского сотрудничества.

Несмотря на то, что санкции СБ ООН сохраняют свою силу, КНДР находит возможности их обойти, в том числе с помощью китайских соседей.

Согласно докладу Санкционного комитета по КНДР, представленному СБ ООН в феврале 2020 г., в обход санкций в 2019 г. КНДР поставила 2,8 млн тонн угля и 1 млн тонн песка на сумму 22 млн долл. в порты Китая, импортировала нефтепродукты в превышающих санкционные уровни объёмах [6].

ОТНОШЕНИЕ ТРАМПА К ГЛАВНОМУ СОЮЗНИКУ В АТР – ЯПОНИИ

В Японии внимательно и с большой настороженностью следили за предвыборными заявлениями Д. Трампа, в которых он затрагивал весьма чувствительные и важные для Токио вопросы. В марте 2016 г. японские средства массовой информации широко освещали его высказывания в интервью газете «Нью-Йорк таймс» о намерении после избрания «пересмотреть ряд договоров с союзниками», в том числе военно-политический договор с Японией, поскольку он является «слишком односторонним»; в соответствии с ним, «США должны защищать Японию в случае нападения на неё, а если их атакуют, она не обязана прийти на помощь» [7].

В ещё большей степени Токио был озадачен заявлениями кандидата в президенты в том плане, что он «открыт для идеи, чтобы Япония и Республика Корея разработали собственное ядерное оружие». Это, отметил он, «могло бы снять давление» на Соединённые Штаты, которые должны помогать Токио и Сеулу в случае угрозы со стороны Северной Кореи и Китая.

Более того, было заявлено о готовности вывести американские войска с территории Японии и Республики Корея, если эти страны не будут платить больше за их размещение [8]. Ответ японского правительства на эти «неординарные мысли» был предсказуем.

Генеральный секретарь кабинета министров Есихидэ Суга подчеркнул, что Япония не намерена отказываться от «важной, базисной правительственной политики трёх безъядерных принципов». Последовали и разъяснения представителей японского правительства, что Япония с 1978 г. «добровольно» ежегодно тратит на содержание американских баз на своей территории около 21 млрд долл., что покрывает две трети требуемых расходов. Д. Трампу напомнили, что США используют размещение своих войск в Японии не только для защиты Японии, но и для реализации целей своей военной стратегии в АТР и в мире в целом, осуществляя передовое базирование.

Обеспокоило Токио и негативное отношение кандидата в президенты к соглашению о Транстихоокеанском партнёрстве, уже готового после сложных и затяжных переговоров к ратификации. Японское правительство планировало использовать положения соглашения для определённой структурной перестройки японской экономики с целью придания ей более высокотехнологичной, инновационной направленности. Ставилась и задача внедрить в регионе правила и нормы экономических отношений, которые не позволяли бы Китаю навязать свою версию их развития.

В целом, в различных кругах японского общества сформировалось не просто настороженное, но и открыто негативное отношение к Д. Трампу, которого называли «непредсказуемым», «экономическим националистом», ставящим превыше всего экономические интересы США.

Не удивительно, что в Токио, как и в Пекине, делали ставку на избрание президентом США Хиллари Клинтон.

Дальновидность проявил лишь премьер-министр Синдзо Абэ, который, вопреки сопротивлению Министерства иностранных дел, дал указание установить контакты с предвыборной командой Д. Трампа [9]. Он стал первым среди руководителей зарубежных стран, кто встретился с Д. Трампом сразу после его победы на выборах.

Через десять дней после президентских выборов в США С. Абэ 11 ноября 2016 г. поспешил на встречу с Д. Трампом, которая состоялась в здании Трампауэр (*Trump Tower*). Японский премьер-министр не скупился на поздравления и добрые слова в адрес нового президента США, но прежде всего он стремился заложить основу для будущих доверительных, дружеских отношений.

Стратегия японского премьер-министра сработала. Он понравился Д. Трампу, об этом тот сообщил на пресс-конференции после встречи, и уже 10 февраля 2017 г. он официально приветствовал С. Абэ в Вашингтоне. Таким образом, глава японского правительства стал первым иностранным руководителем, которого принимал американский президент практически сразу после своей инаугурации.

Несмотря на дружеское расположение к японскому премьер-министру, Д. Трамп не забыл о своём изначальном критическом отношении к японской «эгоистичной и нечестной» торговой и валютной политике, в результате которой, по его мнению, дефицит США в торговле с Японией рос безостановочно, наносился немалый ущерб определённым отраслям американской промышленности, прежде всего автомобильной. Дефицит США в торговле с Японией в 2016 г. составил 69 млрд долл. – третий по объёму после дефицита в торговле с КНР и Мексикой [10].

Японскому правительству пришлось в конце 2017 г. сесть за стол переговоров по новому «Соглашению по торговле». США настаивали на большем открытии японского рынка для американских автомобилей и сельскохозяйственной продукции. Американские представители в ВТО в марте 2017 г. обвинили Японию в сохранении нетарифных барьеров на авторынке и в высоких пошлинах на импорт сельхозпродукции, особенно риса, пшеницы, мяса [11].

Кроме того, Вашингтон настаивал на увеличении закупок таких американских товаров, как продукты нефтехимии, подводные лодки, самолёты и в целом продукция военно-промышленного комплекса США.

Японская сторона поначалу не проявляла готовности идти на уступки. Японские переговорщики мотивировали свою позицию тем, что Япония вложила в американские ценные бумаги 450 млрд долл., инвестировала в США в 2017 г. 45,4 млрд долл., а японские компании создали на своих предприятиях в США почти 300 тыс. рабочих мест [12], что из 6,6 млн японских автомобилей, проданных в США, только 1,6 млн были произведены в Японии, остальные – на японских заводах на американской территории [13].

Упорство японской стороны было сломлено только благодаря решительному настрою Д. Трампа, который пригрозил ввести дополнительные тарифы на импорт японских товаров, прежде всего автомобилей.

В результате японцы пошли на уступки, и страны до конца 2019 г. заключили «Соглашение по торговле», которое Д. Трамп преподнёс как свою «большую победу», а С. Абэ охарактеризовал его как «обоюдную победу» (*win-win*). Главное достижение американского президента состоит в том, что он добился от японской стороны обязательства отменить или сократить тарифы на 90% поставляемой в Японию американской сельскохозяйственной продукции, что составит ежегодно 7,2 млрд долл. Американские фермеры позитивно оценили итоги переговоров и «личный вклад» Д. Трампа.

Вместе с тем, «окончательной договорённости» по торговле автомобилями достичь не удалось. Американская сторона лишь обещала не вводить дополнительные тарифы или квоты на поставки японских автомобилей на свой рынок.

Более серьёзной, нежели проблема торгово-экономических отношений, оказалась тема настоящего и будущего американо-японского военно-политического союза. С. Абэ не случайно на первых же своих встречах с Д. Трампом подчёркивал заинтересованность Японии в «сильных США», в том числе в АТР, где Токио не видит никакой другой страны, способной сдерживать растущие амбиции Китая.

На встрече с Д. Трампом 10 февраля 2017 г. в Вашингтоне С. Абэ подчеркнул, что, «если США не выполняют свою роль лидера свободного мира, мир погружится в хаос» [14]. Особо Токио заинтересован в гарантиях США по двустороннему договору безопасности «защищать» острова Сэнкаку, на которые претендует Китай. В совместном заявлении Д. Трампа и С. Абэ от 10 февраля 2017 г. стороны подтвердили приверженность статье 5-й «договора безопасности», по которой США несут обязательство защищать Японию в случае вооружённого нападения на неё, что распространяется и на острова Сэнкаку. В заявлении было отмечено, что оба лидера «выступают против односторонних действий, направленных на подрыв японской администрации на островах Сэнкаку» [15].

Вместе с тем, в японских политических и общественных кругах сохраняется неуверенность в том, что Вашингтон выполнит указанные обязательства и обещания и не пойдёт на какую-либо «сделку» с Пекином в ущерб японским интересам.

Согласно совместному заявлению, США обещали усилить своё присутствие в регионе, а Япония – «взять на себя бóльшую роль и ответственность в японо-американском союзе» [15]. Но какой-либо конкретики на этот счёт зафиксировано не было.

Выступая перед американскими военнослужащими, дислоцированными на базах США в Японии, Д. Трамп раскрыл содержание своих «упрёков» по обязательствам сторон в рамках союзного «договора безопасности», которые он высказал премьер-министру С. Абэ в ходе своей беседы с ним 27 июня 2019 г. накануне саммита G-20 в Осаке: «Я сказал, посмотри, если кто-то атакует Японию... мы вступим в сражение всеми силами, эффективно. Если кто-то решит атаковать Соединённые Штаты, вы не должны делать этого же. Это нечестно» [16].

Реакция японской стороны последовала незамедлительно. Генеральный секретарь кабинета министров Ё. Суга, не вдаваясь в полемику с американским президентом, подчеркнул, что «обязательства Соединённых Штатов и Японии по договору безопасности сбалансированы» [16]. Несмотря на своё расположение к С. Абэ, Д. Трамп не исключил Японию из реестра союзников США, которым надлежало увеличить вклад в наращивание своего военного потенциала и на содержание американских войск на своей территории.

Согласно провозглашённой Д. Трампом политике, союзники должны платить за нахождение американских войск всю сумму расходов и дополнительно 50% – «за привилегию» получить американскую защиту. Д. Трамп однозначно потребовал от Токио «бóльшего вклада», а также бóльших закупок американских вооружений. В свойственной ему манере американский президент заявил, что Японии надлежит увеличить платежи на 400% [17].

По данным Минобороны, в 2019 г. расходы на содержание американских войск в Японии составили 5,5 млрд долл. по двустороннему соглашению, срок действия которого истекает в 2021 г. Кроме того, Токио ежегодно расходует 1 млрд долл. на зарплаты рабочим, занятым на американских базах. С учётом других, «непрямых выплат» японское правительство, по оценке Министерства обороны Японии, покрывает 86,4% всех расходов, связанных с функционирова-

нием американских баз на японской территории. Очевидно, что увеличить расходы на содержание американских баз на 400% Токио не согласится, однако выделить дополнительные средства на содержание американских войск японскому правительству, судя по всему, придётся.

В январе 2020 г. Вашингтон и Токио отметили 60-летнюю годовщину заключения двустороннего «договора безопасности». Несмотря на оценку договора как «нечестного» (*unfair*), празднование годовщины договора сопровождалось восхвалением союзнических отношений и в Вашингтоне, и в Токио.

Д. Трамп 18 января 2020 г. заявил: «Поскольку обстановка в сфере безопасности продолжает эволюционировать и возникают новые вызовы, необходимо, чтобы наш союз ещё более укреплялся и углублялся. Я уверен, что в предстоящие месяцы и годы японский вклад в нашу совместную безопасность продолжит расти и союз продолжит процветать» [18].

С. Абэ на приёме по случаю юбилея подчеркнул: «Мы подняли наши отношения на уровень, на котором каждый из нас, Соединённые Штаты и Япония, защищают другого, придавая ещё больше силы союзу» [19].

Помимо «китайской угрозы», Токио проявлял и проявляет не меньшую тревогу в связи с обстановкой на Корейском полуострове, полагая, что ракетно-ядерная программа КНДР представляет конкретную угрозу безопасности Японии. Подтверждение этому находили в северокорейских ядерных испытаниях и пусках ракет, поскольку некоторые из них пролетали над японской территорией. Для защиты от северокорейских ракет японское руководство разместило на четырёх эсминцах (восемь ещё строятся) противоракетные системы «Иджис» (ракеты «Стандарт М-3») и наземные зенитно-ракетные комплексы «Пэтриот» в Токио и ещё в 17 районах страны – 34 ракеты РАС-3. В декабре 2017 г. было принято решение дислоцировать в 2023 г. в префектурах Акита и Ямагути наземные батареи противоракет «Иджис», которые были бы способны «прикрыть» всю территории страны. Это потребовало бы расходов на сумму более 1,5 млрд долларов.

Неожиданно в июне 2020 г. с подачи министра обороны Таро Коно премьер-министр Синдзо Абэ, а затем и в целом японское правительство приняло решение отказаться от размещения на японской территории двух батарей наземных противоракетных систем «Иджис».

Были аргументированы причины этого решения: во-первых, значительная и всё растущая стоимость закупки и содержания наземных противоракетных систем; во-вторых, активное противодействие жителей районов, прилегающих к планируемым местам размещения противоракет. Выяснилось, что при запуске ракет их ускорители могли бы упасть на жилые дома и гражданские постройки. Для устранения этого «недостатка», то есть переделки ракет, потребовалось бы 12 лет и 200 млрд иен.

Отказ от закупки наземных систем «Иджис», судя по всему, застал Вашингтон врасплох, свидетельство чему – долгое отсутствие на него какой-либо реакции американской стороны. Оно, безусловно, «огорчило» Д. Трампа, который настаивал на увеличении закупок Японией американских вооружений.

Японское правительство приступило к рассмотрению вариантов альтернативных решений обеспечения противоракетной обороны, в том числе за счёт совершенствования использования ракет системы «Иджис», размещённых на эсминцах военно-морских сил самообороны.

Немалую озабоченность в Японии вызвало решение администрации США выйти из Договора о ракетах средней и меньшей дальности. В Токио незамедлительно предположили, что, поскольку одним из американских аргументов такого решения было указание на наличие более двух тысяч ракет средней дальности у КНР, то можно ожидать размещения США аналогичного класса ракет в Азии, а следовательно, и на американских базах в Японии.

В августе 2019 г. министр обороны США Марк Эспер фактически подтвердил обоснованность японских опасений. Он заявил: «Мы хотели бы разместить ядерные ракеты средней дальности в Азии, чем скорее, тем лучше. Но потребуются проработка многих вопросов, на что уйдут месяцы». При этом он отметил, что выход США из Договора по РСМД «позволяет усилить американские позиции в отношении Китая» [20].

В Токио выход США из Договора по РСМД официально охарактеризовали как «нежелательное» решение. Очевидно, что Вашингтону будет нелегко убедить японское правительство разрешить размещение ракет средней дальности на японской территории, поскольку это неизбежно вызовет негативную реакцию Китая и России, а в случае «чрезвычайных событий» под ударами окажется территория не США, а Японии.

В целом, японский союзник не доставлял серьёзных хлопот Д. Трампу. Премьер-министр С. Абэ добился его личного расположения, а главное – убедил в незаменимости и надёжности Японии как союзника США.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА Д. ТРАМПА

В стратегически-концептуальном плане Д. Трамп не стал отказываться от политики «перебалансировки» применительно к АТР, которая была провозглашена администрацией его предшественника – президента Б. Обамы.

Вместе с тем, эта политика была дополнена широко разрекламированной концепцией «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона». Таким образом, чисто военная программа действий была дополнена политической и экономической составляющими.

Если политика «перебалансировки» делала акцент на силовом сдерживании Китая, то концепция Индо-Тихоокеанского региона явилась в значительной степени ответом на китайскую инициативу «Один пояс, один путь». При этом подразумевается, что четыре ведущие демократии региона, так называемый «ромб» (*The Quad*) – США, Япония, Индия и Австралия – составят основу региональной архитектуры, направленной на предотвращение расширения политического и экономического присутствия и влияния Китая в регионе. Хотя впервые тема «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» прозвучала в

выступлениях представителей американской администрации осенью 2017 г., она, по сути дела, так и не была в развёрнутом виде концептуально оформлена.

На ежегодных саммитах по вопросам безопасности «Шангри-Ла диалог» в Сингапуре американские участники в 2018–2019 гг. подчёркивали, что США являются тихоокеанской державой и Индо-Тихоокеанский регион имеет для них приоритетное значение, что ни одно государство не может или не должно доминировать в Индо-Тихоокеанском регионе, что США отвергают действия, которые противоречат существующему здесь порядку.

При этом они критиковали действия Китая в регионе, который осуществляет размещение передовых систем вооружений для милитаризации спорных островов в Южно-Китайском море, вмешивается во внутреннюю политику других государств, осуществляет поддерживаемое государством воровство военных и гражданских технологий других стран, осуществляет грабительскую экономическую политику с помощью формирования задолженности у стран, получающих китайские кредиты.

Администрация Д. Трампа в принципиальном плане продолжила линию администрации Б. Обамы по неприятию, противодействию, хотя и ограниченными средствами, политики Китая по превращению Южно-Китайского моря в «китайское озеро». Периодически Вашингтон шлёт «предупреждения» и выражает недовольство этой политикой, направляя к спорным островам в ЮКМ свои военные корабли и самолёты. Порой эти «контрдействия» происходят на грани возникновения инцидентов, что служит постоянным раздражителем в американо-китайских отношениях.

Но Вашингтон более заботит китайская экономическая экспансия. Не случайно Д. Трамп и его команда, поддерживаемая антикитайски настроенными политиками, начали усиленно делать акцент на убеждении региональных стран не брать китайскую экономическую помощь, поскольку её условия загоняют их в китайскую «долговую ловушку», что грозит в дальнейшем потерей суверенитета.

Однако на первом этапе основное внимание было уделено налаживанию политического взаимодействия между четвёркой, «ромбом» стран. Вашингтону удалось возобновить прерванный в 2007 г. диалог четвёрки и провести в сентябре 2019 г. на полях сессии Генеральной Ассамблеи ООН первую встречу министров иностранных дел США, Японии, Индии и Австралии.

Из стран «ромба» в наибольшей степени, даже с энтузиазмом, концепцию «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» поддержала Япония.

Ещё в 2007 г. С. Абэ, в то время возглавлявший японское правительство в свой первый срок, выступая в парламенте Индии, призвал «самую богатую демократию Азии – Японию, самую многонаселённую демократию – Индию и самую большую по территории демократию – Австралию» объединить совместно с США усилия «по поддержанию свободы и процветания Тихого и Индийского океанов».

Таким образом, японская дипломатия, и это весьма редкий случай, выдвинула идею, которой воспользовались США.

Так же, как и США*, Япония выделила кредитные средства для вложений в инфраструктурные проекты в Индо-Тихоокеанском регионе, предприняла шаги по серьёзному улучшению отношений с Индией. Военно-морские силы самообороны уже проводят совместные с индийским флотом учения в Индийском океане.

Дели, в отличие от Токио, занимает двойственную позицию в отношении американской концепции. С одной стороны, Индия пошла на активизацию военного сотрудничества с США, увеличила закупки американских вооружений, расширяется практика операционного взаимодействия между флотами двух стран, особенно в акватории Бенгальского залива, начался двусторонний обмен разведывательной информацией. С другой стороны, правительство Н. Моды критикует США за протекционистскую политику в торговле, которая наносит ущерб индийской экономике, не заинтересовано в обострении отношений с Китаем. И в принципиальном плане Индия сохраняет в целом приверженность своей политике неприсоединения, стратегической автономии.

Австралия традиционно поддерживает любые инициативы Вашингтона. Концепция «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» не исключение. Однако среди «четвёрки», «ромба», Канберра располагает наименьшим потенциалом для внесения «весомого вклада» в её реализацию.

Страны – члены АСЕАН прореагировали на американскую инициативу настороженно. Им не хотелось бы вовлекаться в открыто конфронтационную стратегию США с Китаем. Кроме того, они выражают сомнение в серьёзности американских намерений сделать этот регион приоритетным в своей политике и исходят из того, что Вашингтон не располагает ресурсами, достаточными для реализации заявленных амбициозных целей.

Действуя в соответствии с отстаиваемой глобальной политикой протекционизма, Д. Трамп демонстративно, буквально первым своим указом 23 января 2017 г. вывел США из согласованного ранее соглашения о Транстихоокеанском партнёрстве (ТТП), на разработку которого администрация президента Б. Обамы потратила значительные усилия.

Выступая на саммите АТЭС 11 ноября 2017 г. в Дананге (Вьетнам), Д. Трамп изложил в развёрнутом виде американскую стратегию в сфере торгово-экономических отношений [22]. Он обосновал курс своей администрации на проведение политики экономического национализма негативным опытом открытия американских рынков для других стран, которые не отвечали взаимностью, а начали воровать американскую интеллектуальную собственность и нечестным образом помогать своим государственным предприятиям. Кроме того, занимались демпингом, субсидированием, валютным манипулированием и хищнической промышленной политикой.

Радикальный отказ Вашингтона от проводившегося до этого курса в пользу интенсификации процессов глобализации, укрепления рынков свободной тор-

* США объявили о выделении 60 млрд долл. до 2030 г. на инфраструктурные проекты в ИТР [21].

говли товарами и услугами в пользу «экономического национализма» вызвал, с одной стороны, замешательство у участников саммита, а с другой – критику наиболее «смелых», среди которых лидировал председатель КНР Си Цзиньпин, выступивший против протекционизма, за свободную торговую систему.

На саммите АТЭС в феврале 2018 г. в Папуа – Новой Гвинее впервые в истории саммитов его участники из-за позиции США не смогли согласовать письменную декларацию и ограничились лишь заявлением председателя саммита.

Японское правительство и лично премьер-министр С. Абэ предприняли немалые усилия в попытках побудить Д. Трампа изменить своё решение по выходу из ТТП, а также по спасению самого соглашения. При руководящей роли Японии удалось убедить остальных членов ТТП, а это 11 стран, сохранить соглашение, которое получило название «Всеобъемлющее прогрессивное Транстихоокеанское партнёрство» (ВПТТП).

В марте 2018 г. правительство Японии приняло закон о ратификации модернизированного соглашения, в которое были внесены изменения: в основном сняты 23 статьи, которые были включены по настоянию США, но изначально не устраивали многих участников ТТП. Если новое соглашение о ВПТТП будет ратифицировано более чем половиной стран-участниц, ВВП которых составляет 13% мирового (безусловно, отсутствие США серьёзно понижает значимость соглашения), оно вступит в силу.

Пекин, судя по всему, воспользовался выходом США из ТТП для ускорения работы по формированию Регионального Всеобъемлющего экономического партнёрства, в котором изъявили готовность участвовать, помимо Китая, Австралия, Индия, Япония, Республика Корея, Новая Зеландия, 10 стран АСЕАН. Если такой проект будет осуществлён, то он, хотя и не столь радикален по своим торгово-экономическим условиям по сравнению с ВПТТП, но будет объединять страны, представляющие одну треть мировой экономики и половину населения планеты.

Страны ЮВА – члены АСЕАН реагировали на политику США в отношении региона по провозглашённому в первоначальный период Д. Трампа у власти принципу «Делайте, что хотите, вы свободны» двойственно.

С одной стороны, с рядом стран Вашингтон предпринял шаги по улучшению отношений, в том числе с Вьетнамом, Таиландом, Индонезией, даже с Мьянмой, несмотря на неприятие её жёсткого курса в отношении обеспечения прав человека. В марте 2018 г. впервые после окончания вьетнамской войны и нормализации американо-вьетнамских отношений авианосец «Карл Винсон» зашёл в порт Дананг. Ещё до Д. Трампа США сняли эмбарго на поставку Вьетнаму вооружений. С Сингапуром было продлено на 15 лет соглашение, предоставляющее американским вооружённым силам в АТР логистическую поддержку.

С Филиппинами США первоначально удалось подтвердить пролонгацию Соглашения о посещении американскими войсками филиппинской территории для проведения учений и манёвров. Однако в начале 2020 г. президент Р. Дутерте, не скрывающий своих антиамериканских настроений при одновременных симпатиях к Китаю, отказался от соглашения.

С другой стороны, в АСЕАН как организации и в большинстве стран-членов атаки Д. Трампа на условия и нормы свободной торговли, на пренебрежение в отношении глобальных и многосторонних институтов и инициатив способствовали значительной потере доверия к политике США. Особо настороженно асеановцы восприняли раскручивание американской администрацией концепции «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», в котором игнорировалась концепция «центральности» (*“centrality”*) АСЕАН во всех региональных делах. Подтверждение такому подходу к их основополагающей концепции асеановцы увидели и в том, что на 35-й саммит АСЕАН в 2019 г. президент США не поехал, а послал второстепенного сотрудника администрации. В 2017 г. Д. Трамп участвовал в саммите АСЕАН. Но уже на саммит 2018 г. направил вице-президента М. Пенса.

Страны ЮВА выдвинули свою концепцию построения региональных отношений «Взгляд АСЕАН на Индо-Пасифик». Институт исследований Юго-Восточной Азии (*ISEAS*), проведя опрос представителей политических элит Азии, выяснил, что в 8% из них полагают, что при президенте Д. Трампе взаимодействие США со странами – членами АСЕАН ухудшилось [23].

Страны ЮВА в настоящее время стоят перед нелёгким выбором. Они не в восторге от всё усиливающегося влияния Китая – политического, экономического, военного – в регионе. Но они уже ощущают немалую зависимость от Пекина и не хотели бы обострять отношения с могущественным соседом, считая процесс «возвышения КНР» неизбежным. С целью определённого сдерживания Китая многие из них не против и даже поддерживают присутствие в регионе США, в том числе военное. Однако не хотели бы участвовать в противоборстве Пекина и Вашингтона, тем более на вторых ролях, в стратегии Индо-Тихоокеанского региона, которое открыто позиционируется как средство против укоренения и тем более доминирования китайского влияния в этом регионе.

ИСТОЧНИКИ

1. “The Japan Times”, March 13, 2017; “The Straits Times”, April 15, 2017.
2. “Financial Times”, April 20, 2017.
3. «Асахи симбун», 8 февраля 2020 г.
4. “The Japan Times”, August 8, 2017.
5. “The Japan News”, February 11, 2020.
6. “The Japan Times”, February 20, 2020.
7. “The Japan Times”, March 27, 2016.
8. «Майнити симбун», 5 мая 2016 г.
9. “The Japan Times”, March 28, 2016.
10. «Майнити симбун», 11 февраля 2017 г.
11. «Майнити симбун», 10 марта 2017 г.
12. “The Japan Times”, March 30, 2018.
13. «Майнити симбун», 25 января 2017 г.
14. “The Japan Times”, February 10, 2017.
15. «Майнити симбун», 11 февраля 2017 г.
16. «Асахи симбун», 27 июня, 29 июня 2019 г.

17. "The Japan Times", June 30, 2019.
18. «Асахи симбун», 19 января 2020 г.
19. «Асахи симбун», 18 января 2020 г.
20. "The Japan Times", August 4, 2019.
21. «The Japan Times», November 19, 2018.
22. «Асахи симбун», 11 ноября 2017 г.
23. "The Japan Times", October 29, 2019.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПАНОВ Александр Николаевич,
доктор политических наук, главный
научный сотрудник Института США и
Канады РАН (ИСКРАН),

Российская Федерация, 121069,
Москва, Хлебный пер., д. 2/3;

заведующий кафедрой диплома-
тии МГИМО МИД РФ,

Российская Федерация, 119454,
Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Alexander N. PANOV, Doctor of Sci-
ences (Politics), Chief Researcher, Insti-
tute for the U.S. and Canadian Studies,
Russian Academy of Sciences,

2/3, Khlebny pereulok, Moscow,
121069, Russian Federation;

Head of the Department of Diploma-
cy, MGIMO University,

76, Prospect Vernadskogo, Moscow,
119454, Russian Federation.